

Столетия живет в мире удивительная профессия: художник. Столько замечательных людей вложили в неё самое лучшее, что у них есть. Михаил Гардубей – один из них. Каждая выставка его картин становилась событием художественной и общественной жизни. Её обсуждали, о ней спорили. Она могла нравиться или не нравиться, но равнодушным не оставляла никого. Люди стремились в его мастерскую как к творческому человеку, где можно было просто помолчать, отдохнуть душой, почувствовать себя свободно в любой компании.

Несколько лет назад я готовил о нём статью для публикации в журнале. Не случилось. Рабочие материалы, хранившиеся на диске, «сгорели». Однако недавно в своих архивных папках наткнулся на наши с ним разговоры. Фрагменты неопубликованного интервью перед вами как дань памяти замечательного художника и человека, ушедшего от нас 6 февраля 2022 года, за два дня до своего 74-летия.

Наше с ним знакомство началось благодаря моей работе в художественном фонде Тюменского отделения Союза художников России и длилось более двадцати лет. Он напоминал мне доброго сказочника, голос которого звучит во мне до сих пор. Слушать Гардубея – сплошное удовольствие. Словами он рисовал так же, как кистью, используя в речи интонационно богатую палитру звуковых красок родных для него украинского и русского языков.

– Михал Михалыч, художниками рождаются или становятся?

– И рождаются, и становятся.

– Не на Олимпе ли случайно?

– Случайно нет, но рядышком (смех). В Закарпатье.

– Слышал, что вы любите сало.

– Нет, не люблю. В студенчестве столько его переел... Причем не потому, что любил, а по необходимости. Просто этот продукт не портится. В студенческие годы, а поступил я учиться в Ужгородское художественное училище в 1963-м, мы постоянно были голодными. Понятно, что рядом село, но зарплаты у родителей были небольшие, хотя отец сначала был дежурным по станции, а уже потом начальником станции. Сильно-то не могли помогать. Каждый мой приезд – раз в неделю – сунут денег, продуктов, которые не портятся. Например, сало копченое. Его было очень много. Дима Бобонич поедет домой, то же самое привезет. (Дмитрий Бобонич (1942–2008) и Михаил Гардубей – земляки, однокурсники, друзья. Практически всегда были вместе. Даже мастерские на ул. Мельникайте в последние годы их земной жизни были на одной площадке. – Прим. автора).

– Чем примечательны студенческие годы?

– Разнообразием интересов. Поскольку мы люди молодые, надо было и в кино сходить, и в театр, и в филармонию. Литературу по искусству тоже надо было приобретать. Она и тогда стоила больших денег, а уж если красивая... Помню, увидел маленький симпатичный альбом Поля

Сезанна (венгерское издание «Корвина»). И денег вроде как немного, а все равно купил, потому что не устоял перед волшебством. Вообще по искусству собрал неплохую библиотеку. В те времена многим интересовались. Было много того, чего я не знал, поэтому все тянуло-манило.

Поскольку я из села приехал и попал в такую среду, хотелось больше знать, познавать, тем более что многие приехали из городов, окончив художественные школы. Много чего знали. А я люблю общаться с людьми, которые больше меня знают, мне с ними интересно. Кроме всего прочего, и самому хочется быть значимым. Сколько себя помню, всегда хотел быть художником. Правда, не знал, что это такое.

Сегодня уже своим студентам говорю: учить вас не буду, будем учиться вместе. Вы от меня, я от вас. Это нисколько не зазорно. Очень талантливая молодежь кругом, много интересных ребят со знаниями, непосредственностью, искренностью. Они столько преподают тебе, что порой просто удивляешься. В свою очередь и я как преподаватель тоже стараюсь не ударить в грязь лицом, стараюсь держать себя в форме, чтобы в тонусе быть. Со временем что-то выветривается у нас.

Молодёжь сейчас немного по-другому мыслит, у них взгляды другие, ценности пересмотрены. В наше время у нас была определённая стабильность, была возможность сначала поработать на имя, а потом уже имя работало на нас. А какая тяга была к чтению! Старались найти всё, что издавалось, появлялось, доставали кто как мог. Сейчас уже не гордятся книгами, не модно.

– Народ потянется к искусству или уже тянется?

– Уже тянется, потому что жить в таком безобразии долго не будем, это неправильно и невозможно. Даже бизнес уже потянулся. Поняли, что это не только красота, но и вложение денег. Думаю, бизнес со временем серьёзно начнёт этим заниматься, потому что сегодня на западных рынках подняты цены на российское искусство, в том числе и современное.

– Студенты все талантливы?

– Талантливые талантливы во всём. В том числе и в любопытстве своём, и в вопросах. Очень много интересного выдают на холстах. Не могу говорить о тех, кто не связан с искусством, но наши студенты, приобретаая навыки, знания, естественно, преобразуются. Меняются не просто внешне, у них даже лик становится другой. Студент сейчас хочет как можно больше поддержки, помощи. Я вот с пятым курсом на прошлом занятии хорошо поработал, аж мокрый вышел из мастерской. Мне интересно, когда испытываю приятную усталость.

– Не хотелось отдохнуть от преподавания?

– Нет. Во всяком случае пока. Конечно, порывы были какие-то, но проходит день-два – и опять все пошло-поехало. Сам факт, что я среди молодежи нахожусь, дает такой заряд, что не даешь себе как-то заостенеть. Вокруг тебя здоровая красивая молодость. Естественно, это настраивает на более оптимистичный лад. Можно просидеть вот так в мастерской, особенно когда уже в возрасте, там болит, тут колет... Единственный, кто у нас не сдаётся, – Толя Седов. Берёт этюдник и постоянно пишет – днём, вечером, зимой, летом. Никак упиться живописью не может. Помоему, у него уже десятки тысяч этюдов, пейзажей. Или вот Юра Юдин. Он тихо свое дело делает, по чувству. Приходишь к нему и отдыхаешь. Всё у него такое красивое, степенное, ангельское почти что. Он достаточно духовный человек, сложился как духовная личность.

Кстати, всегда восхищался и восхищаюсь до сих пор мастерской Юрия Юдина. Кажется, природная аккуратность и порядок для него прежде всего. Не могу то же самое сказать про мастерскую Гардубея, но она, несмотря на творческий в ней беспорядок, притягивает к себе. В ней уютно, солнечно, светло. Правда, как выяснилось, художнику такая светлость, оказывается, доставляет немало хлопот.

– При дневном свете получается не живопись, а тоновые, композиционные поиски. В залах музея, где демонстрируются работы, естественный свет – редкость, поэтому включают дополнительные источники света. Чаще всего многие художники, не только я, свои выставочные вещи не то что не узнают, они там совершенно другие. Бывает, думаешь, чего это я приволок, хочется схватить и обратно унести, а бывает и хорошо. Очень важно, где она пишется. Работы, которые пишутся на свету, если хорошо угадываются в тоне, в итоге смотрятся при любом освещении и в любом зале. Самое главное, когда в такой ситуации побеждаешь картину, заканчиваешь и выводишь ее, как говорится, в народ, отпускаешь как ребенка на прогулку, то уже как-то спокойнее за нее.

– Как часто приходится побеждать картину?

– Победил картину – значит поставил точку и уже больше над ней не работаешь, а бывает, что она не отпускает, и довольно долго. Одну работу я демонстрировал на выставке раза три. Потом дописал ее на персональную. После принес её и снова дописал, поменял ситуацию с фигурой. В общем, случается, что вещь не сдается. Значит, не почувствовал ситуацию. Когда почувствуешь, тогда как Матросов бросаешься на амбразуру, быстро-быстро сделал. Очень важно понять, что ты хочешь. Понять её философию, пластику, содержание... Без этого картина до зрителя не доходит и не дойдет.

– А критики для чего? Они все расскажут.

– Критики умеют это делать. Между прочим, не все они – холодные аналитики. Нравится, когда критики говорят профессионально, обоснованно и основательно. Это их творчество. Слышал версию, что Пикассо очень зол был на критиков, готов был расстреливать их десятками в год (смех).

– Что чаще всего является стимулом к написанию картины?

– Настроение. Мысль ещё не оформилась, а чувство появилось. Такие вещи рождаются спонтанно. Однажды просто берешь кисточку в руки и... Бывает, что нет идеи. Почему? Потому что застоялся, не пишешь по разным причинам. Проходит день, второй, и наступает хандра. Но надо всё равно раскручиваться, за что-то браться. Берешь холст, мольберт и начинаешь разводить мысль вместе с кистью и серым своим веществом.

«Старый город»

– Старый город для меня стал очень близким. Это Малое Городище, куда я ребят водил на практику. Довольно долго там рисовал с ними, и каждый раз, приходя туда, мы не находили тот или иной дом, который подожгли, сожгли, снесли. Понимаю людей, которые там жили и живут. Это трудно, тяжело. Сейчас здесь появляются новые строения, а старое исчезает. Новые «индустриальные небеса» так или иначе побеждают город, который здесь когда-то начинался. Уклад у него был достаточно архаичный, патриархальный. На месте наших мастерских на ул. Мель-

никайте (район парка ТюмГМУ. – Прим. авт.) раньше вообще болото было, на уток ходили.

– Чувствуется, «домики» не дают покоя.

– «Домики» не дают покоя в силу того, что уходят. К сожалению, город не лучшим образом распорядился своей историей. Плохо, что не сохраняем её. Этого материала у меня довольно много наработано, он должен иметь выход, тем более что я неравнодушен вообще к старине. Есть художники, которые умеют обращаться с современными архитектурными городскими мотивами, лихо у них получается, а я это как-то не очень умею, поэтому пишу старые архитектурные мотивы. Они мне как-то ближе. Люблю то, с чем можно общаться как с предметом, который может много чего рассказать. Дом, в котором жило много народу, сколько-то поколений. Когда смотрю на все эти дворы с их садиками, огородиками и представляю, как всё это выглядело когда-то. Общались-то семьями, наверное. По-соседски. Особенно летом, когда всё цветёт. Тут же стол, самовар... Между делом и ягодку можно сорвать с куста. И наверняка ставни, наличники, чистые окна, занавески, ворота, резьба...

– Такое встречается иногда на дачах, в коттеджах...

– Во многом это всё наносное, выхолощенное. Нет естественности. Была городская культура, мы её уничтожили, вынесли за пределы города. Почему мы её на дачи-то перетащили. Из города стали убегать. Мы друг друга в подъезде порой не знаем. А раньше на улице наверняка все друг друга знали. Это такой социум был. Какой люд, кто в каком районе жил. В общем, многое просто утеряно. Кстати, Юра Рыбьяков писал Тюмень постоянно. Я пока не почувствовал Тюмень, хотя знал, что для меня значит этот город. Пока не нашёл язык свой, всё старался что-нибудь придумывать, хотел, чтобы у меня было своё. Не знал, что это такое и, кстати, до сих пор не знаю. Всё приходит однажды. В нашем деле всё однажды является. Я вообще-то только рассуждаю по этому поводу, а писалось на одном дыхании. Не знаю, насколько это правильно, но знаю одно, что я просто брал кисть и пользовался своим искусством, которому меня обучили в свое время, и я с удовольствием этому учился, совершенствовался. Короче, играл.

«Самое главное – уметь удивляться, радоваться...»

– Уж не атрибутика ли на подоконниках мастерской способствует игре? Кстати, обратил внимание: сумерки за окном. На тёмном фоне бабочка, сушёная рыба, цветы засохшие и букеты живых цветов. Всё по-другому играет, чем при солнце.

– Частенько обращаюсь к этому. Вот на окне вроде и беспорядок, а я нет-нет да и напишу натюрморт какой-нибудь под настроение. Лимон, например, постепенно выросший из зёрнышка в большой куст. Или лилии. Я вообще все живое люблю, вон сколько у меня разных растений, цветов в горшочках. Бывают какие-нибудь торжества, появляются букеты. Обязательно всё это пишу, потому что хоть какая-то от них останется память.

Цветок – это такая красота потрясающая, она так быстро приходит и уходит.

– Веточка хризантемы, видимо, тоже не случайно здесь?

– У меня был день рождения, мне ребята соорудили вазочку для хризантем. Было жаль, что они просто увянут и пропадут. Я их написал.

И вот одна из веточек хризантемы долго живет, несмотря на то что уже засыхает. А рыба у меня историческая. Это мы у интересного художника Германа Метелева в тогдашнем ещё Свердловске пиво пили и этой рыбешкой заедали. Мне она понравилась. С разрешения Германа взял её с тем, что может быть, в картину вклею. Сейчас она абсолютно сухая, до нее как-то и не дошел.

– Не рыбак...

– Да, как-то не очень. Когда-то увлекался, а сейчас никак. Был у меня друг, покойный уже, Эдуард Николаевич Тягло, мы с ним частенько выезжали, ловили. Мне нужен энтузиаст в этом деле. Вообще он был интересный парень. Хороший дизайнер. Кстати, неплохо писал этюды. Вместе на этюды частенько ездили. В последние годы его жизни мы с ним как-то так сошлись, работали вместе, у нас были хорошие с ним отношения, приятельские. Он же потом председателем был у нас и, между прочим, благодаря ему все эти художественные мастерские в городе построены. Это его заслуга.

– Любимое время года – весна?

– Не могу никак весну ощутить. То начинается авитаминоз, то сессия, то цветение проходит, и я не успеваю любимую первую зелень ощутить, написать. Между прочим, у меня нет ни одного весеннего пейзажа. Лето быстро наступает, потом осень. Вот осень я как-то ощущаю. Мне нравятся все времена года, но в самом начале, когда все свежее, яркое. Осень ранняя, золотистая... Первый снег тоже нравится. Вообще мне все времена года нравятся. По моим работам даже и не определить, какое время года мне больше нравится. Видимо, в какой-либо ситуации и в определенный момент могу восторгаться любым временем года. Все живое в природе имеет свою прелесть: и дерево, и человек, и зверь, и бабочка...

Самое главное – уметь удивляться, радоваться, а мы не умеем. Когда себя остановишь и заставишь на мгновение посмотреть на всю эту красоту, которая тебе однажды дана и больше не повторится никогда. И тогда начинаешь по-другому всё воспринимать, начинаешь озаряться, вдохновенно на всё смотреть. Часто ловлю себя на том, что не всегда так получается. Идешь хмурый, то, сё, какие-то дела не идут, то денег нет, то ещё что-нибудь...

– Денег часто нет?

– Часто. Не скажу, что бедствую, но в общем-то недостаточно для того, чтобы ощущать себя нормально, чтобы мог делать то, что хочу. Сейчас занятие искусством – это всё-таки, мне кажется, для богатых людей. Раньше это было доступно тем, кто получал образование, кто занимался искусством и любил его. Теперь это дорогое удовольствие. Поэтому искусством надо заниматься, когда есть деньги. А когда у тебя куча всяких разных дыр, то не всегда это дает толчок к какой-то идее, наводит на светлые мысли. Любому человеку, который идет смотреть картины, хочется порадоваться. Что ему показывать? Пузатых капиталистов уже показывали, страдания пролетариата мы тоже прошли. Сейчас черноты чернее черного полным-полно, сколько хочешь, наелись до отвала. А хочется какой-то росточек, полюбоваться им, умело, красиво чтобы было, живое, естество какое-то и радость принести. Сегодня для этого надо быть достаточно внутренне свободным. Когда ты не свободен от многих вещей, в том числе и от денег, будь они не ладны, тут уж, конечно, проблемы и начинаются.

– Художник может быть подлецом?

– Подлецом? Не знаю. Единственное, могу утверждать, что хороший человек может быть хорошим художником. Это меня больше устраивает. Меня как-то тоже обзывали подобными вещами, потому что я не поучаствовал в чем-то однажды и мне просто-напросто нагло сказали: как может подлец писать картину о Дон Кихоте? Я был в недоумении. Во-первых, переживал это дело страшно. Понимал, что тебе пришили ярлык сгоряча. Не думаю, что был достоин такого «звания». Большинство художников, истинных художников, нормальные, порядочные и приличные люди. Нас так воспитывали, и мы ни в коей мере не ограничиваем их свободу. Более того, у нас обучение несколько иное, чем в других учебных заведениях. Если вижу, что человек не может сегодня работать или настроения нет, да мало ли что, болеет, например, я его просто освобождаю, отправляю делать что-то другое. Лучше не трогай. Если не идет, отложи – и в следующий раз сделаешь больше в два раза. Так что ещё раз скажу, что хороший человек может быть и отличным художником.

– Меня всегда интересовало, почему в работах Гардубея такая жизнерадостность? Почему, «прогуливаясь» по выставочным залам, невозможно глаз оторвать от его картин, посвящённых, например, старой Тюмени или Дон Кихоту с его верным оруженосцем Санчо Пансо? Конечно же, рядом с ними особо звучит женская тема с многообразием созданных им образов, которым художник посвятил достаточно большую часть своей жизни.

– Женская тема меня всегда трогала. Женщины – это праздник, наше счастье, радость и красота. В них же мы находим свои несчастья, и беды, и всё, что хочешь. Тем не менее ради них мы готовы на очень многое.

– Показать, например, красоту женщины, её нежность и хрупкость.

– Да я её в разные ситуации ввожу, большей частью в театральные. Потому что девушек с веслом мы уже насмотрелись, женщин со шпалами на железной дороге – тоже. Хотя они, наверное, обидятся, если посмотрят. А мы, мол, работяги... Большой частью хотелось показать женщину как украшение жизни, как соцветие, как букет...

– Не из этих ли творческих исканий возникла кличка «бабник»?

– Всё гораздо проще. В 1998 году на моей выставке в Германии меня спросили: художник, который пишет море, – маринист, а кто пишет женщин, как называется? Я возьми да и выпали: не знаю, как у вас, а у нас это бабник называется. Обратились к моей жене, Галине Сергеевне, как к переводчику. Она, по-моему, ещё хлеще моего сказала, определила что-то типа «игрок с женщинами». А на открытии меня всё равно представили «бабником». Ну мне это понравилось, подумал, почему бы и нет. Где-то журналистам ляпнул про это, и понеслось-поехало. Почему я бабником и прослыл в Тюмени. Мне такой образ уже прилепили, и я тут ни при чём.

– Дон Кихот с его рыцарством и благородством как возник?

– Мой друг Юра Фёдоров однажды принёс мне двухтомник Хорхе Луиса Борхеса. Чтение вообще-то тяжёлое, совсем не развлекательное. Борхес – потрясающий исследователь, тонкий психолог. Насколько всё ёмко, объёмно, Землю нашу держит как на ладони. Может нырнуть в Виннице, а вынырнуть где-нибудь в Сиднее... Всё это происходит у него органично. Там были очень интересные мысли, которые привели меня к идее «пригласить» в Тюмень благородного рыцаря Дон Кихота, который всех женщин обласкает, пастухов от их хозяев защитит, мельницы исправит, всё восстановит и, может быть, толстого доброго Санчо Пансу губернатором Тобольска назначат, чтобы по-доброму, по-человечески

помочь ситуацию выровнять, сгладить и помирить. Всё будет хорошо и прекрасно. Только художник может так ко всему относиться.

Сам образ Дон Кихота – это уже образ художника. Вся история, весь роман, если хорошо присмотреться, то в целом это жизнь творца. С неудачами, комиксами, бедами, радостями. Перед искусством, перед порядочным человеком, перед его искренностью иной раз и наглость, и пошлость теряется. Правда, чаще всего происходит наоборот.

Помню, однажды в Москве с моим приятелем Юрой Казаковым мы шли по базару что-нибудь купить. Юра о чём-то спросил, а нас с ним так обхамили, что мы, два мужика, стоим и не знаем, что делать и что сказать. Говорю ему потом, что перед хамством интеллигентный человек всегда теряется. В общем, мы успокоились и пошли дальше. То есть Дон Кихот – это уже теперь мой друг, это я отчасти с моими думами, мыслями и т.д. У меня во всех произведениях вполне выписываются подобные ситуации из моей жизни. Это нормально. Одно вытекает из другого. То, что я делаю, меня же и образует.

Приступая к работе над картиной, ещё и не знаю, что из этого получится. Наша деятельность, как у нас говорят, состоит из умственно усталого труда. Закончив вещь, начинаешь в неё всматриваться, расстраиваться, а потом постепенно успокаиваешься. Идёт изучение самого себя, предыдущий опыт и настоящий переходит на следующие размышления. При этом надо уметь рассмотреть, выцарапать то, что тебе нужно. Можно с мусором ходить и потерять зёрна вместе с шелухой. Вот это очень важно.

– Как быть человеку, который в силу разных причин не имеет возможности общаться с себе подобными?

– Человек сам себе хозяин и творец своего благополучия. Если он волк-одиночка, сам по себе, если ему нечего сказать, то в этом только он и виноват. Если, например, скрипку долго не доставать из футляра и не играть на ней, она засохнет, превратится в труху. Всякий инструмент требует ухода, заботы и внимания. Всякое дело, в том числе искусство, требует ухода, заботы, внимания. Так и человек. Если человек заботится о себе не только внутренне, но и внешне, если он опрятный, на него приятно смотреть. А с другой стороны, если человек опустил, все стараются держаться от него подальше, хотя он сочувствие должен вызывать, но не у всех вызывает. Один и есть один. Сегодня одному очень сложно. Может, мне не так уж плохо и совсем не одиноко, потому что я работаю со студентами. Иногда просто хочется побыть одному.

– Творческие люди всегда ратовали за свободу, и вы сегодня свободны.

– Да, мы её получили.

– Назад хотелось?

– Нет. Тебя отпустили – и всё, до свидания, за тебя уже никто не отвечает. Это рынок, и тут ничего не попишешь. Поэтому изволь жить как можешь. Свобода в этом и заключается. Человек должен прежде всего верить в самого себя. Да, свобода – единственное, что даёт возможность творить, вершить то, что хочешь. А сетовать на безвременье... Мы просто оказались в ситуации пришедших новых времён.

Иной раз сам себя ловишь на мысли, что идёшь как по конвейеру какому-то, потом останавливаешься, начинаешь наблюдать. Для нашего брата наблюдательность – самое то.